

УДК 94 (5)

У. Т. Ховалыг

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: tokhus@ngs.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ УЙГУРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Дискуссии по некоторым ключевым вопросам истории древних уйгуров требуют систематизации и всестороннего анализа. В данной работе, основываясь, прежде всего, на письменных памятниках древних тюрков и уйгуров, определены основные места проживания союза племен токуз-огуз и других народов Центральной Азии в VII–IX вв. Рассмотрены версии археологов по идентификации археологической культуры древних уйгуров. В результате исследования сделаны следующие выводы. Во-первых, местами основного проживания древних уйгуров в VII–IX вв. по письменным источникам, прежде всего на древнетюркских языках, являлись правобережные земли р. Хемчик в Западной Тыве, Юго-Восточная Тыва, территория Северной Монголии от Монгольского Алтая на западе до Хангайской и Хэнтэйской горных систем на востоке. Во-вторых, погребения с конем скорее всего относятся к местным телеским племенам, силами которых тюрки «геройствовали в пустынях Севера».

Ключевые слова: Центральная Азия, Тыва, Монголия, р. Хемчик, древние тюрки, токуз-огузы, древние уйгуры, археологическая культура, памятники, дискуссия.

Надежды на получение новых источников по истории средневекового населения Центральной Азии, в том числе древних уйгуров в основном связаны с археологическими исследованиями, поскольку именно изучение и интерпретация артефактов из раскопок позволяют восполнять «бесписьменные» отрезки истории кочевых этносов и реконструировать облик их материальной и духовной культуры.

По истории и культуре древних уйгуров Центральной Азии в эпоху древнетюркских каганатов VI–X вв. накопилось достаточно много как эпиграфического, так и археологического материала, результатов исследований в других областях науки – филологии, этнографии и антропологии. Уже в конце прошлого столетия произошел весьма ощутимый и значимый сдвиг от реконструктивно-описательной истории к аналитической, что было продиктовано не только наличием дошедшего до критической массы исторического материала, но и безусловным кризисом прежних методологий и технологий исторического исследования [Пиков, 2009. С. 4]. Это повлекло за собой научные дискуссии по некоторым ключевым вопросам

этногенеза кочевников, в особенности среди археологов, например, по идентификации археологической культуры древних уйгуров. Вся историография по этой проблеме требует детального, всестороннего анализа и систематизации итогов исследований с привлечением материалов из других, смежных с археологией, областей науки.

Значительное расхождение версий исследователей по поводу археологической культуры и определения мест проживания древних уйгуров Центральной Азии усложняет реконструкцию событий VI–X вв. Учитывая этот факт в уйгуроведении, следует, в первую очередь, систематизировать все известные сведения по истории древних уйгуров, прояснить некоторые спорные моменты в дискуссиях археологов. Во-первых, необходимо выяснить места основного проживания древних уйгуров в VII–IX вв. по письменным источникам, установить, какая из археологических культур может принадлежать им. Во-вторых, выявить наиболее предпочтительные и обоснованные в данном отношении версии археологов по определению археологической культуры не только древних уйгуров Центральной Азии,

но и остальных племен конфедерации «токуз-огуз» – байырку, эдиз, тонгра, долан, сеянто и иных.

В ходе данного исследования впервые предполагается обобщить основные результаты археологических исследований с целью решения сформулированных выше актуальных вопросов истории древних уйгуров Центральной Азии. Хронологические рамки ограничиваются VII–IX вв. – временем существования токуз-огузской конфедерации племен, но для прояснения некоторых важных вопросов будут использованы материалы, относящиеся к раннему и позднему этапам истории древних уйгуров. Исторические события, связанные с токуз-огузами, большей частью происходили в регионах Центральной Азии – Тыве, Монголии, северо-восточной части Восточного Туркестана (Уйгуристан), в Минусинской котловине, на Алтае и Забайкалье, которые и будут считаться территориями нашего изучения.

В течение полутора столетий, в V–VI вв. н. э., жужане вели частые войны с гаоцзюйскими динлинами, или телесцами. В ходе этих войн они переселили из Восточного Туркестана и Монголии на север, в Саяно-Алтайское нагорье, часть племен, входивших в состав телеской конфедерации (III–VI вв. н. э.), которые создали обособленный племенной союз, получивший в китайских источниках название «девять племен». В рунических надписях они известны как токуз-огузы [Кляшторный, 1987. С. 29].

Вероятно, одновременно с предками токуз-огузов в Минусинскую котловину были переселены гянгунги (енисейские кыргызы), древние тюрки во главе с правящим родом Ашина – на Монгольский Алтай, а племена чаатинской культуры – в Центральную Тыву [Худяков, 2006. С. 67]. Токуз-огузы, судя по письменным памятникам тюрков и древних уйгуров, проживали поблизости от вышеперечисленных переселенцев – на правобережных землях р. Хемчик в Западной Тыве и в Юго-Восточной Тыве (где находится один из примечательных памятников древнеуйгурской культуры – крепость Пор-Бажын), по всей Северной Монголии (от Монгольского Алтая до Хангайского хребта) и частично в Забайкалье.

Для определения регионов, где проживали древние уйгуры и их союзники в

VII–IX вв., в первую очередь следует опираться на письменные источники данного времени, т. е. на древнетюркские и древнеуйгурские рунические надписи. Обращаясь к сведениям именно этих памятников, можно найти ответы на некоторую часть дискуссионных вопросов археологии кочевников рассматриваемой эпохи. Самые ранние рунические надписи на древнетюркском (кок-тюркском) языке, содержащие такую информацию, относятся ко времени Второго Восточнотюркского каганата (Кок-Тюркского) (680–745 гг.) и Второго Уйгурского каган та в Монголии (745–840 гг.): Чойренская (прибл. 688–692 гг.), Онгинская (720 г.?), Кули-Чур (Ихэ-Хушоту) (прибл. 720–725 гг.), Ихэ-Асхетская (724 г.?), Тесинская (750 г.), Тарьятская (Терхинская) (753 г.), Шине-Усу (в честь уйгурского кагана Баян-Чора; 759–760 гг.) и другие [Tekin, Ölmez, 2003. S. 18–20].

Однако рунические надписи Монголии могут быть не самыми древними на древнетюркских языках, так как на территории северо-восточной окраины Восточного Туркестана (Уйгуристан) Альфредом фон Лекком в начале XX в. были обнаружены рукописи на тюркском языке. В найденном манускрипте говорится, что текст написан «на тюркском» (türkçä); автор (писец) говорит в последнем опубликованном тексте буддийской книги, что он перевел это на тюркский язык (türk tilinčä) [Le Coq, 1908. S. 399]. Имеется и написанный тюркскими «рунами» манускрипт на бумаге, с донные неизвестными и отступающими от знакомых типов формы рунами [Le Coq, 1909. S. 1047–1048]. Активное участие древнетюркских народов в культурной жизни населения Восточного Туркестана началось еще в середине I тыс. н. э. – об этом сообщил буддийский паломник из Китая Сюаньцзан, пробывший в «западных странах» 17 лет (с 629 по 645 г.). На расстоянии двух дней пути от Кучи произошла его первая, отмеченная в «Записках», встреча с тюркским каганом, сопровождаемым отрядом из двух тысяч всадников [Тугушева, 1991. С. 4–5].

В большой надписи в честь Кюль-Тегина (Кюль-Тегина) упоминаются некоторые места проживания токуз-огузов, в состав которых входили древние уйгуры. Автор эпитафии Йоллыг-Тегин (с титулом Ынанчу Апа Йарган Таркан) [Gabain, 1950.

S. 256–257] рассказывает о разгроме этой конфедерации, где названы некоторые места проживания токуз-огузов. В первый раз сражались в городе Тогу-Балык, а во второй – при Кушлагаке с эдизами. В четвертый раз на вершине реки Чуш было разгромлено племя тонгра, а пятое сражение кок-тюрок с токуз-огузами произошло в местечке Эзгенти-Кадаз [Ibid. S. 255]. К сожалению, названия всех этих местностей, где были разбиты племена из числа токуз-огузов, ныне не сохранились.

По соседству с токуз-огузами в Минусинской котловине жили енисейские кыргызы и их союзники – племена аз и чик, занимавшие северо-западную часть Тывы и юго-западную часть Хакасии. Народы аз и кыргыз в большой надписи в честь Кюл-Тегина упоминаются вместе; кок-тюрок против них сражались в горах Кёгмен (Западный Саян) [Ibid. S. 252]. Народ аз был разбит около оз. Кара-Хёл в северо-западной Тыве, скорее всего являвшегося частью их коренных владений [Ibid. S. 255]. Мудрый советник кок-тюркских каганов Тонюкук (Тоньюкук), прежде чем отправиться в поход в другие страны, посчитал важным сначала покорить северных соседей – азов и кыргызов: «Лучше отправимся в поход (сначала против кыргызов), – сказал я. Когда я услышал, что дорога на Когмен (Саяны) единственная и она завалена (снегом), я решил что идти этой дорогой не годится... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов» [Аманжолов, 2003. С. 182].

В эпитафии в честь Тонюкука, в одном из отрывков которого описывается поход кок-тюрок против азов и кыргызов, упомянуты названия двух рек – Аны и Ак-Термель [Там же] Западной Тывы, и поныне называющиеся так же. Именно переправившись через них, а в некоторых местах спускаясь вдоль равнинных берегов р. Аны, можно выйти в страну азов. Должно быть, коренные земли азов включали не только Северо-Западную Тыву, но и юго-западную часть современной Хакасии – скорее всего, Аскизский район – собственно название данного района происходит от гидронима Аскиз, что в переводе с хакасского означает «асская девушка», точнее, «девушка из народа ас».

В отличие от енисейских кыргызов, азов и чиков, живших к северу от основных вла-

дений токуз-огузов, кочевья кок-тюрок располагались в непосредственной близости от токуз-огузских – в Монголии и Тыве. Результаты экспедиционных работ А. Д. Грача (по изучению тамг в виде горных козлов на тюркских памятниках Монголии и Тывы) позволяют предполагать, что тюрки со второй половины VI в. обосновались на территории Южной Тывы. Особого внимания заслуживает комплекс раннетюркских погребений с трупосожжением, обнаруженный и исследованный у северной границы котловины Больших озер Монголии, в Овюрском районе Тывы – в долине Хачы-Хову. Вверху одна из стел этого комплекса, являющегося гораздо более скромным, «провинциальным» повторением пышного ритуала знатнейших тюрков, погребенных в Северной Монголии, также имеет тамгообразное изображение горного козла [Грач, 1973. С. 322, 327].

Многие исследователи привыкли пересказывать слова Баян-Чора с памятника Могон-Шине-Усу как указание на факт завоевания всей Тывы: «...То время было годом Тигра. Я пошел на чиков. Во втором месяце 14 числа находился в Кеме» [Кляшторный, 2006. С. 132]. Обычно в учебной литературе вышеупомянутый текст понимают так: «В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву, ее земли стали северо-западным оплотом государства» [Дашибалов, 2005. С. 90]. Если же правильно трактовать отрывки текста, на основании которого был сделан такой вывод, то это вовсе не означает покорения всего населения Тывы. Скорее всего, чики были разгромлены на левобережных землях Хемчика (в рунических надписях – р. Кем) в Западной Тыве, где с этим народом Л. Р. Кызласовым обоснованно связываются погребения по обряду трупоположения в ямах без коня под каменными курганами [Кызласов, 1969. С. 63–65, 79]. Тюркоязычные азы, чики и родственные им племена, имена которых остаются пока неизвестными, отличались присущими им особенностями погребального обряда как от древних уйгуров, так и от тюрок. Вероятно, эти племена оставили весьма распространенные могилы с трупоположением без коня, при раскопках которых выявляются многие архаичные черты, присущие местному населению еще в скифское (туранское) и хунно-сяньбийское время [Там же. С. 78–79].

Погребения без коня на поверхности земли отмечены небольшими округлыми каменными насыпями, сложенными из обломков скал. Иногда это впускные погребения в насыпи курганов более ранних эпох. Все они имеют прямоугольные ямы, вытянутые с северо-запада на юго-восток, в которых находятся одиночные погребения женщин и мужчин. Скелеты лежат по старой традиции погребального обряда еще времен аржанской (VIII–VII вв. до н. э.), усть-хемчикской (VII–VI вв. до н. э.) и саглынской культур (V–III вв. до н. э.) скорченно, на правом боку, головой на северо-запад [Там же. С. 18, 22]. По итогам исследований Тувинской археолого-этнографической экспедиции Ленинградского отделения Института этнографии (1957–1966 гг.), такой тип погребального обряда существовал в Тыве вплоть до XIX в. [Дьяконова, 1975. С. 38].

На правом берегу р. Хемчик, как известно из раскопок С. И. Вайнштейна и других археологов, расположена большая часть крепостей и укреплений древних уйгуров – Бажын-Алаак (в пойме р. Чадаан, правого притока Хемчика), Чоон-Терек (верховья р. Хемчик), городище к юго-западу от пос. Тээли, Элдиг-Кежиг (в пойме р. Барлык, правого притока Хемчика) и иные [Данилов, 2004. С. 63–65]. В некоторых частях долины Хемчика и его притоков издавна находились кочевья тувинского рода уйгурондар и иных непосредственных потомков древних уйгуров. В Западной и Центральной Тыве есть целая цепь городищ, которые впервые были исследованы археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой. Рядом с ними проходит так называемая «дорога Чингисхана». Во время археологических раскопок «дороги Чингисхана» отрядом С. И. Вайнштейна были обнаружены сторожевые башни и огромный вал, относящиеся к древним уйгурам и направленные против тех территорий, где жили енисейские кыргызы и их кыштымы [Тишков, 2008. С. 80].

Вслед за С. И. Вайнштейном, Л. Р. Кызласов также отнес все известные городища в Центральной Тыве к уйгурской культуре. Датировка и определение культурной принадлежности городищ проведены по гончарной и лепной керамике, найденной на поверхности этих памятников [Вайнштейн,

1974. С. 73; Худяков, 2006. С. 80]. По утверждению Л. Р. Кызласова, именно в уйгурское время в Тыве впервые появляются монументальные архитектурные сооружения – обнесенные крепостными стенами городища и замки. В настоящее время известны 17 городищ и один опорный пункт, сооруженные древними уйгурами. Все городища представляют собой четырехугольники из стен, сложенных в свое время из сырцового кирпича, или же глинобитные, превратившиеся ныне в валы [История..., 2001. С. 118].

Однако вызывает сомнение тот факт, что уйгуры, завоевав Тыву в 750 или 751 г., отстроили до 840 г. столь масштабные укрепленные пункты, на создание которых должно было уйти не одно столетие. Вероятно, часть предков токуз-огузских племен еще в I тыс. н. э. были переселены из Восточного Туркестана и Монголии на правобережные земли бассейна Хемчика и некоторые другие районы Тывы, где они, столкнувшись с сопротивлением местных племен – азов и чиков, начали строительство оборонительных сооружений. К VII в., когда образовался союз «токуз-огуз», вероятно, основные кочевья токуз-огузов располагались в Западной и Юго-Восточной Тыве, во всей Северной Монголии – от Монгольского Алтая до Хангайского хребта.

Исследования археологом В. Е. Войтовым погребально-поминальных сооружений тюрков и древних уйгуров подтверждают наши выводы по поводу географического расположения основных земель токуз-огузов. Памятники каганско-княжеского типа в основном распространены в центральной и северной частях Монголии, в пределах Хангайской и Хэнтэйской горных систем («Отюкенская чернь» рунических текстов). С середины VI по середину IX в. эта горно-степная страна была политическим ядром Первого и Второго Тюркских и Второго Уйгурского каганатов, что и объясняет сосредоточение здесь наибольшего числа изучаемых объектов [Войтов, 1996. С. 12].

Судя по рунической надписи на стеле, комплекс Могон-Шине-Усу был посвящен второму правителю Уйгурской династии Элетмиш Билгэ-Кагану (Моюн-Чуру или Баян-Чору) и датируется 759–760 гг. [Там же. С. 30]. Памятники Хушон-Тал и Могон-Шине-Усу (Селенгинский) посвящены первым уйгурским каганам – Кюлюг Бойла

(Кули Пэйло) и его сыну Баян-Чору (Элетмиш Билгэ-Каган). Эти памятники отражают иную мировоззренческую позицию уйгуров, в поминальном обряде которых важную роль играла меридиональная ориентация и необязательность даже на каганских комплексах балбалов, храмов, статуй и оград [Войтов, 1989. С. 6].

Летовье Элетмиш Билгэ-Кагана (Баян-Чора) из каганского рода уйгуров Яглакар по Терхинской надписи располагалось в верховьях р. Тес-Хем и по речке Каргы, которые протекают по территории северовосточной Монголии и Юго-Восточной Тывы [Кляшторный, 2006. С. 134]. Кроме того, по Терхинской надписи реки Орхон, Тола и Селенга были коренными землями токуз-огузов [Там же].

Сложным является вопрос о месте расселения племени байырку – одного из племен токуз-огузов. Противоречия в источниках не позволяют современным исследователям более точно локализовать их кочевья. По мнению Ю. С. Худякова, земли байырку на западе простирались до оз. Хубсугул и верховьев Селенги, а на востоке – до Хэнтэя и верховьев Шилки и Аргуни, охватывая северные районы современной Монголии [Дашибалов, 2005. С. 89].

При всем доминировании древних уйгуров среди токуз-огузов, не следует забывать, что племенной союз не распался с VII в. и до разгрома енисейскими кыргызами Второго Уйгурского каганата в 40-х гг. IX в. В географическом словаре «Му'джам албулдан» («Словарь стран») Йакута ал-Хамави, повторно пересказывающего рассказы Тамима ибн Бахра, который побывал в Уйгурском каганате в первой половине IX в., пишется именно о «стране тогузгузов» (т. е. токуз-огузов). По наблюдениям Тамима ибн Бахра, «Самая обширная область тюрок – это страна тогузгузов, и граница их Син (Китай), затем Туббат (Тибет), хазладж, кимац, гузз, джигил, баджнак, базкиш, азкиш, хуфшак, хирхиз» [Йакут ал-Хамави, 1988. С. 77]. Правдивость его сведений, в отличие от других арабо-персидских авторов, доказывается наиболее точным описанием климата, населения, городов Уйгурского каганата: «Рассказал Тамим ибн Бахр ал-Мутававай, что в их стране сильный холод и передвижение по ней происходит только шесть месяцев в году. Он сам держал путь по стране тогузгузского хакана на почтовых

лошадях, которых хакан отправил к нему» [Там же]. Примечательно, что вместо того, чтобы написать, «уйгурский каган», Тамим ибн Бахр употребляет словосочетание «тогузгузский хакан».

К периоду существования токуз-огузского племенного союза в VII–IX вв. относятся погребальные сооружения, каменные изваяния и стелы с эпитафиями, написанными руническим письмом, городища, крепости и т. д. В этот период в Монголии и Тыве проживали не только местные племена во главе с азами и чиками, но и токуз-огузы, остатки тюрок, переселенных жужанами еще в V–VI вв. н. э. Каждая этническая группа четко выделяется при археологическом анализе по палеоэтнографическим особенностям в устройстве погребальных сооружений и по деталям погребального обряда.

В 1950–1960-х гг. на могильниках Чааты I и II, обнаруженных и частично исследованных С. А. Теплоуховым в 1926–1927 гг. и 1929 г., продолжил раскопки Л. Р. Кызласов. Он синхронизировал чаатинские земляные курганы с погребениями в катакомбах или ямах с шагонарскими и бажынаалаакским городищами, исследованными ранее С. И. Вайнштейном в 1957–1958 гг., и отнес их к уйгурскому времени (VIII–IX вв.).

Л. Р. Кызласов выделил еще один вид археологических памятников VIII–IX вв. – мужские каменные изваяния, что вызвало бурные дискуссии среди археологов. По его мнению, в VI–VIII вв. эти изваяния всегда устанавливались у поминальных оградок, причем к ним нередко прибавлялся ряд вертикально вкопанных камней. При древних уйгурах в Тыве появились памятники иного типа, которые, очевидно, в своем происхождении связаны с предшествующими тюркскими. Теперь устанавливаются более реалистичные и тщательно изготовленные скульптуры мужчин (вероятно, памятники особо отличившимся героям). Устанавливаются они одиночно, без оградок и прочих дополнительных сооружений, но по-прежнему всегда лицом на восток [История..., 2001. С. 127]. Ряд признаков отличает их от каменных фигур тюркского периода: наличие особых шапок или кос; рельефно изображенные сосуды (почти всегда это узкогорлые кувшины на поддонах), удерживаемые обеими руками; пояса чаще всего со

многими подвесками, среди которых обычны фигурные бляшки с сердцевидными отверстиями; отсутствие, за редким исключением, изображений сабель, кинжалов и мешочков; изваяния высекаются только из одного материала – серого гранита [Там же].

Каменные скульптуры этого типа характерны лишь для Тувы, поэтому сооружались здесь, безусловно, местными племенами, но не всеми, так как они найдены в Овьуре, в долине Хемчика и на Улуг-Хеме (до Шагонара на восток) [Там же].

Бурятский исследователь Б. Б. Дашибалов при изучении курумчинской культуры IX–XIV вв. в Прибайкалье сопоставил инвентарь курумчинских памятников бодонского этапа с предметами, найденными в уйгурских захоронениях Тывы VII–IX вв. н. э. [Дашибалов, 1995. С. 116–118]. Он во многом соглашается с выводами Л. Р. Кызласова и считает, что из анализа инвентаря и обряда уйгурских памятников Тывы видны многие черты этой культуры, имеющей архаичные признаки, восходящие к хуннской эпохе. Черты эти таковы: вертикальное лощение поверхности сосудов; наклепные расщепленные валики, загибающиеся в усики; редкие волнистые линии; формы вазовидных сосудов. Уйгурские накладки на лук отличаются от накладок тюркских луков и повторяют очертания хуннских луков. Прямоугольный или квадратный план уйгурских крепостей восходит к фортификационным традициям хунну [Дашибалов, 2005. С. 92].

Д. Г. Савинов, соглашаясь с выводами по результатам исследований Ю. С. Худяковым погребений со шкурой коня, считает вслед за Б. Б. Овчинниковой [Овчинникова, 1990. С. 9–11], что, несомненно, следы уйгурского влияния несут подбойные захоронения с конем, известные в Центральной Туве и Минусинской котловине. Вместе с тем, по его мнению, этническая принадлежность погребений чаатинского типа в Туве до сих пор остается не определенной [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 248–249; Савинов, 1994. С. 45].

В одной из последних статей Б. Б. Овчинникова причисляет подбойные захоронения человека с конем к числу памятников, относящихся к более высоким слоям общества тюрков, нежели рядовым его членам; различие же способов захоронения у тюрков

(как меры трудоемкости) и, главным образом, состав сопроводительного инвентаря, отражают в определенном преломлении сложность его устройства [Овчинникова, 2007. С. 153, 156].

Выводы О. Б. Варламова и Ю. С. Худякова существенно отличаются от классификации погребальных сооружений древних уйгуров Центральной Азии, выполненной Л. Р. Кызласовым. Как они считают, земляные курганы с погребениями в катакомбах или ямах относятся по хронологии к хунно-сарматскому времени [Варламов, 1987. С. 181–183; Худяков, 2006. С. 15]. Скорее всего, население с таким погребальным обрядом появилось здесь после переселения хуннами какой-то этнической группы из Средней Азии или Восточного Туркестана. Курганов, которые относятся именно к этой группе населения, раскопано всего лишь 36 (могильники Чааты I и Чааты II) [Кызласов, 1979. С. 36], и в дальнейшем в Тыве не прослеживаются следов их пребывания в кыргызский и монгольский периоды (IX–XIV вв.). Чаатинские земляные курганные насыпи, окаймленные ровиками, дромосы с лазом, перекрытым плахами, катакомбы, расположенные перпендикулярно, параллельно или под углом к дромосу, достаточно близки погребальным сооружениям кенкольской культуры Средней Азии [Худяков, 2006. С. 82].

Ю. С. Худяков идентифицирует древних уйгуров с археологической культурой, представленной погребениями по обряду трупоположения со шкурой коня. Погребальный обряд древних уйгуров, как и поминальные обычаи (особенности надмогильных и внутримогильных конструкций, положение умершего, состав инвентаря и заупокойной пищи, за исключением некоторых деталей), очень близки зафиксированным у древних тюрков. В то же время уйгуры отличались от тюрков в этнокультурном отношении. Вероятно, этим объясняется помещение с умершим шкуры верхового коня со всеми принадлежностями сбруи. Предметный комплекс из памятников уйгурской культуры своеобразен. В его составе отчетливо различаются две группы предметов. Вещи, обнаруженные на поселениях, связаны со строительством долговременных сооружений, с земледелием и ремеслами. Предметы из погребений типичны для кочевников-скотоводов. Общей для всей культуры явля-

ется гончарная керамика [Культура..., 1992. С. 15].

Древнеуйгурские захоронения по обряду трупоположения со шкурой коня были обнаружены в Минусинской котловине (могильник Ник-Хая) и Монголии (курганы в местности Орхон-Дель) [Там же], а в Юго-Западной Тыве IX–X вв. датируются два погребения на могильнике Саглы-Бажы III – курганы 22 (с северной ориентировкой погребенного и шкурой коня) и 27 (одиночное погребение с костями коня с ориентировкой на СВВ) [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 229].

Ю. С. Худяков обоснованно опровергает мнение Л. Р. Кызласова о принадлежности к древним уйгурам «реалистичных и тщательно изготовленных скульптур мужчин». По классификации Л. Р. Кызласова, изваяния первого типа (грубой обработки) характерны для периода существования тюркских каганатов (VI–VIII вв.), а статуи второго типа (более совершенного вида) – для времени существования Второго Уйгурского каганата (VIII–IX вв.). Ряд исследователей полагают, что в VI–VII вв. (период существования Первого Тюркского каганата) каменных изваяний еще не было, их начали устанавливать только в период Второго – Восточнотюркского каганата. Изучение древнетюркских поминальных оградок и изваяний на Алтае показало, что изваяния первого типа устанавливали не только в период существования тюркских каганатов, но и в течение всего периода существования древнетюркской культуры, т. е. до конца X в. Изваяния второго типа не имеют отношения к уйгурам и не несут следов уйгурского влияния [Худяков, 2004. С. 19].

В целом по результатам рассмотрения проблем истории и культуры древних уйгуров в трудах археологов можно сделать ряд выводов, касающихся истории народов и племен Центральной Азии во времена древнетюркских государств (VI–X вв.).

Местами основного проживания древних уйгуров в VII–IX вв. по письменным источникам, в первую очередь на древнетюркских языках, являлись правобережные земли р. Хемчик в Западной Тыве, Юго-Восточная Тыва, территория Северной Монголии от Монгольского Алтая с запада до Хангайской и Хэнтэйской горных систем на востоке.

Китайские летописи сообщали о тюрках, что они заимствовали обряд захоронения с конем у другого народа, и «геройствовали в пустынях Севера» силами девяти племен. Поэтому такие погребения древнетюркского времени могут относиться к местным телеским племенам [Савинов, 1973. С. 343]. Обряд трупоположения с конем был характерен для древних тюрков Тянь-Шаня и Семиречья в раннем средневековье. Именно об этом обряде у «гузов» (огузов) подробно писал Ахмед ибн Фадлан в своих «Записках» во время путешествия к волжским булгарам (921–922 гг.) через Среднюю Азию [Ахмед ибн Фадлан, 1939. С. 161–162]. Вопрос о том, какой обряд был характерен собственно для уйгуров, пока остается открытым в связи с отсутствием скольконибудь значительного числа раскопанных погребений по обряду трупоположения со шкурой коня.

Список литературы

Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: ЗАО «Изд-во “Мектеп”», 2003. 368 с.

Ахмед ибн Фадлан. Извлечения из «Записки», по Мешхедской рукописи // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Арабские и персидские источники VII–XV вв. / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1. С. 155–164.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 223 с.

Варламов О. Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии Степной Евразии: Тез. докл. Кемерово, 1987. Ч. 2.

Войтов В. Е. Культурно-поминальные сооружения VI–VIII вв. на территории Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культурно-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 316–333.

- Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курькан и хори. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
- Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
- Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинов как историко-этнографический источник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 164 с.
- История Тувы: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.
- Йакут ал-Хамави. «Му'джам ал-булдан» // Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. С. 76–90.
- Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 19–37.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
- Культура уйгуров Центральной Азии / Сост. Ю. С. Худяков. Новосибирск, 1992. 34 с.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. 210 с.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 207 с.
- Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1990. 223 с.
- Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники Тувы // Ученые записки [Текст] / Тувинский институт гуманитарных исследований. Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2007. Вып. 21. С. 148–172.
- Пиков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «кочевая цивилизация» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1: История. С. 4–10.
- Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 339–350.
- Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1994. 215 с.
- Тишков В. А. Размышления об итогах жизни: беседа с Севьяном Израилевичем Вайнштейном (интервью) // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 70–86.
- Тугушева Л. Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 591 с.
- Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 151 с.
- Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: Учеб. пособие. Новосибирск, 2006. 130 с.
- Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Leipzig: Harrassowitz, 1950. 373 S. (на нем. яз.).
- Le Coq A. von. Ein manichäisch-uirgirisches Fragment aus Idikut-Schahri // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. (Sitzung der philosophisch-historischen Classe vom 2. April). Berlin: Verlag der Königlich Akademie der Wissenschaften, 1908. S. 398–414 (на нем. яз.).
- Le Coq A. von. Köktürkisches aus Turfan. (Manuskriptfragmente in köktürkischen «Runen» aus Toyoq und Idikut-Schähri [Oase von Turfan]) // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. (Sitzung der philosophisch-historischen Classe vom 21. October. Mittheilung vom 8. Juli.). Berlin: Verlag der Königlich Akademie der Wissenschaften, 1909. S. 1047–1061 (на нем. яз.).
- Tekin T., Ölmez M. Türk dilleri. Giriş. Dil ve Edebiyat 2. İstanbul: «Yıldız», 2003. 200 S. (на тур. яз.).

U. T. Khovalyg

**PROBLEMS OF HISTORY AND CULTURE OF ANCIENT UIGURS
OF CENTRAL ASIA IN THE ARCHAEOLOGICAL STUDIES**

The discussions on some key issues of ancient Uigurs history require systematization and comprehensive analysis. Being based, first of all, to the written sources of ancient Turks and Uigurs they were determined the basic places of the stay of the union of the tribes of tokuz-oguzs and other peoples of Central Asia in VII–IX of the substances. Also, the versions for the identification of the archaeological culture of ancient Uigurs are examined. As a result studies of the problems in this article enumerated above were made following conclusions. First, by the places of the basic stay of ancient Uigurs in VII–IX of the substances on the basis of the written sources, first of all in the ancient Turkish languages, appeared the right-bank earth river Khemchik in Western Tyva, southeastern Tyva, the territory of North Mongolia from the Mongolian Altai from the West to the Khangays and Khenteys mining systems in the east. In the second place, burials with the horse rather relate to local Tele to the tribes, by forces of which the Turks «of they conquered in the deserts of the North».

Keywords: Central Asia, Tyva, Mongolia, river Khemchik, ancient turks (kök-turks), tokuz-oguzs, ancient uigurs, archaeological culture, archaeological objects, discussion.